

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ

Динамический подход к
исследованию этнических различий

Цель: В этой лекции мы будем говорить о динамическом подходе в исторической этнологии – этнокультурологии. Вывод, который можно сделать, тут таков: каждая этническая культура имеет собственное представление о тех или иных понятиях, и то, что в одной культуре является рядоположенным и взаимозаменяемым, в другой – принципиально различно. У каждого этноса своя модель восприятия реальности, которая и определяет его поведение и его историю.

Основные идеи

1. Как ставятся вопросы и как ищутся ответы учеными- этнокультурологами?

Все, о чем мы говорили в предыдущих лекциях, разумеется, нуждается в подробном разъяснении. Но пока мы преследуем только одну цель — показать, как ставятся вопросы и как ищутся ответы.

Мы говорили, что финны обрабатывали свой скудный земельный участок в одиночку, финн один вырубал лес и ворочал валуны. А соседи его славяне делали все это коллективом, справлялись гораздо успешнее и меньше при этом погибали. Финны и славяне жили рядом и были в постоянном контакте. Почему финны не могли позаимствовать у славян привычку осваивать новые земли сообща?

Казалось бы, соседство народов неизбежно влечет за собой культурные заимствования. Почему бы формам землепользования не становиться предметом заимствования всякий раз, когда это оправдано прагматически?

Потому, отвечает историческая этнология, что этнос не видит возможной для себя в данном случае замену одной культурной формы другой. Этнокультурология не отрицает случаи заимствования одними народами у других различных культурных элементов и моделей. Но она ставит вопрос: что может быть предметом заимствования?

Как минимум, предмет заимствования должен казаться привлекательным народу, который его заимствует. Таким образом, проблему может поставить и историк, и этнокультуролог. Но рассуждать они будут по-разному.

2. Как подходят к изучению особенностей этноса историки и этнокультурологи?

Историк может сослаться на индивидуализм финнов, на то, что им был столь антипатичен коллективный способ действий, что они предпочитали умирать поодиночке, надрывая силы, выкорчевывая вековые ели и сосны, таскать громадные валуны, чтобы очистить себе жалкий клочок земли для распашки. Однако это не будет ответом на вопрос, поскольку финны, народ весьма благоразумный, во многих случаях жизни объединялись во временные коллективы, чтобы уменьшить трудозатраты. Так, дороги между хуторами они прокладывали, что называется, миром. Почему же они тогда в большинстве случаев не выкорчевывали миром деревья, логически объяснить невозможно. Следовательно, остается высказать предположение, что была какая-то особая причина, которая делала для финнов коллективный способ освоения земельных угодий непривлекательным, и эта причина оказывалась столь серьезной, что заставляла их мириться с людскими жертвами.

Чтобы выяснить эти факты, достаточно быть добросовестным историком и обратиться к источникам, откуда их можно почерпнуть. Однако нет никаких источников, с помощью которых можно было бы объяснить эти факты. Для историка это тупиковая ситуация. Налицо очевидная нелогичность в поведении финнов: народ не может перенести определенную модель деятельности из одной сферы в другую, казалось бы, сходную ей (от прокладки дорог к выкорчевыванию деревьев для подготовки земель под распашку).

Ответ, который дает на этот вопрос этнокультуролог, может быть только один: данному народу эти две сферы деятельности не казались близкими, в отличие от взгляда на них исследователя. В картине мира, присущей финскому этносу, присутствуют определенные парадигмы, которые разграничивают эти две сферы деятельности и делают коллективный способ освоения территории для них некомфортным. Налицо некая особенность восприятия финнами действительности, выражающаяся в столь странной форме.

3. Способ вычленения различных модификаций народного сознания на примере

Турции.

Так же ряд парадоксальных явлений в жизни современной Турции может быть объяснен посредством вычленения подосновы различных модификаций турецкого сознания.

По существу, началом рассуждений оказывается распад империи и кемалистская революция — момент истории, наиболее переломный для современных турок. Нас интересовала, прежде всего, реакция народного сознания на кризисное событие. В этом конкретном случае его почти что игнорировали: крестьяне десятилетиями продолжали считать национально-освободительную войну — приведшую к падению и Халифата — джихадом, а на информацию о реформах в государстве паразитическим образом не обращали внимания.

Само по себе это не так уж удивительно, если иметь в виду, что каждая этническая культура имеет защитные механизмы, помогающие сохранять ее целостность. Вопрос, на который оказывается необходимым ответить, другой: каким образом государство, несмотря ни на что, продолжало функционировать более или менее успешно? Становится очевидным: есть нечто, что скрытым образом поддерживает целостность общества. Это нечто незаметно при поверхностном взгляде, и объяснение его легче всего искать в тех событиях, которые внешне кажутся нелогичными. Например, почему военный переворот народом воспринимается как праздник, хотя он направлен именно против тех ценностей, которых придерживается большинство населения? Чем вообще является для Турции военный переворот? Какие стереотипы он мог затрагивать? Как эти события проявляют себя в различных модификациях народного сознания? Приводили ли они к кризисам раньше, и как эти кризисы проявлялись тогда?

4. Еще один способ приложения динамического подхода при изучении этнических особенностей.

Вообще, на одни и те же события — революции, войны, пожары, наводнения и т.д. — в разные времена люди реагируют по-разному, но сравнение реакций дает нам возможность выявить глубинные (неосознанные, но неизменные) стереотипы в сознании народа. И в этом состоит еще один способ приложения динамического подхода при изучении этнических особенностей: исследовать процесс межкультурного взаимодействия тогда, когда этнос вынужден давать свою интерпретацию внешним воздействиям и отвечать на них, проявляя свои наиболее существенные этнокультурные особенности. Таким образом мы можем проследить цепочку разных кризисов в жизни этноса и «выловить» элементы его способа действия, повторяющиеся всякий раз во времена кризисов. Представляется, что именно этот способ действия и является глубинной этнической особенностью. Проиллюстрируем это на следующем примере.

5. Пример третий: Отношения русских и армян в Закавказье в XIX веке.

Эти отношения в начале XIX века казались почти идиллическими, что объяснялось значительным сходством в политических идеалах и ценностях. Ведь Российская империя, согласно своему идеальному образу, хотела стать Великим Христианским Царством, заменив собою погибшую Византию. Этот идеал был близок и армянам, их стремление войти в состав Российской империи не может объясняться одними прагматическими причинами — они видели перед собой империю, в которой хотелось бы жить, близкую им по духу.

Сходство не ограничивалось только ценностной ориентацией русских и армян. Существовало очень значительное сходство русской и армянской крестьянских общин в XIX веке, выделяющее и ту, и другую из ряда прочих восточных общин. И в России, и в Армении, мы встречаем, если можно так выразиться, народный этатизм — общины у этих народов были «мирами», т.е. квазигосударствами.

Казалось бы, сходство в столь важных вопросах должно было обеспечить этим народам хотя бы минимум взаимопонимания и взаимной уступчивости. И действительно, армяне почти равнодушно отнеслись к крушению своих надежд на автономию в рамках Российской империи и очень охотно шли на русскую государственную службу.

Однако уже к концу XIX века от былой идиллии русско-армянских отношений не осталось и следа — русским, порой, представлялось, что армяне ненавидят Россию и все русское. При этом ценностная ориентация ни того, ни другого народов не менялась. Между тем Закавказье оказалось одним из тех немногих регионов России, где русская народная колонизация «не пошла». Более того, на рубеже веков разгорелся было русско-армянский конфликт, и русский публицист в сердцах задавался вопросом: «Что мы, в конце концов, хотим создать в Закавказье — Россию или Армению?».

6. Как и почему различия в модусах действий двух народов приводят к конфликтам.

Парадокс состоял в том, что армяне тогда этого вопроса перед собой не ставили. Они вместе с русскими создавали империю, считая себя представителями российской имперской администрации, исходили из общих интересов империи. И фактически, если иметь в виду стратегические интересы России, то действия и тех, и других были допустимы и служили интересам империи. Но способы, модусы действий были столь различны, что часто обе стороны переставали понимать друг друга. Русские подозревали в армянах сепаратистов, а армяне смотрели на русских, как на недотеп, которым, как манна небесная, досталась такая огромная и прекрасная страна, а они так бестолково в ней распоряжаются.

Русские, присоединив к своей империи очередную новую территорию, словно бы разыгрывали на ней мистерию из трех частей:

- бегство народа от государства,
- возвращение беглых под государственную юрисдикцию и
- государственная колонизация.

Таким образом, новая территория как бы втягивалась русскими в себя и становилась ареной их внутренней драмы. При этом для своей «драмы» русские нуждались в «диком поле», т.е. в неограниченной ни внешними, ни внутренними преградами территории. Армяне же, напротив, были влекомы стремлением убрать с осваиваемой территории все, могущее стать источником конфликта, и эти пределы всячески оградить.

Это выливалось порой в эксцессы. Русские крестьяне, к примеру, поселялись в причерноморских районах, представлявших из себя тогда девственные леса и бездорожье. А туда же и в то же время, направлялась государственная комиссия, члены которой, как на подбор, были почти все армяне.

Последние горячо и настойчиво начинали доказывать, что регион вообще еще не пригоден для проживания, поскольку, например, заражен малярией, и нужно от нее сообщать незамедлительно избавляться, а на это требуется помощь от государства. Русским, между прочим, от этого государства убежавшим на эти необжитые земли, все больше становилось вовсе не до малярии. Они видели только то, что кто-то постоянно влезает в их жизнь со своими советами. И вот случается очередной скандал с массой взаимных обвинений.

7. Сама схема конфликта может служить ключом к тому, чтобы понять бессознательные причины его возникновения.

Сама повторяющаяся структура этих конфликтов (а их история Закавказья знает множество) свидетельствовала не только о том, что борьба за привилегии имела место (это бесспорно), но и о том, что характер восприятия территории этими народами различен. И сама схема конфликта (и ее повторяемость) может служить ключом к тому, чтобы понять бессознательные причины, принуждающие стороны снова и снова с удивительным упорством и упорством повторять одни и те же действия, всякий раз приводящие к конфликту.

Заметим, между прочим, что, когда изучаются межэтнические отношения, исследователи обращают внимание на что угодно, кроме таких моментов столкновения поведенческих стереотипов разных народов, имеющих этнокультурное основание и касающихся таких глубинных и почти неосознаваемых вещей, как восприятие пространства, времени, процесса действия. Но именно эти и подобные им особенности служат скрытой первопричиной взаимного непонимания и раздражения и приводят к конфликтам. И

какими только причинами потом эти конфликты ни объясняют политологи! Но ведь кажется очевидным, что если люди упорно повторяют некоторый тип действия, каждый раз приводящий к неприятным для них последствиям, значит, действовать так для них столь же естественно, как дышать. Любой другой способ действия кажется им несуразным, странным, невозможным.

Подобные ситуации хороши еще и тем, что их анализ поневоле получается сравнительным: этносы действуют разным образом, поведение друг друга им кажется странным — значит, мы имеем дело именно с тем материалом, который и нужно изучать, чтобы выделить культурные константы.

Так мы можем заметить, что русские, взаимодействуя с миром, как бы вбирают внешнюю конфликтность, стараясь нейтрализовать, отыграть ее уже внутри себя. Для армян, напротив, характерно отторжение конфликтности. И эти свойства — у тех и у других — проявляются в самых разных ситуациях на протяжении веков.

8. Методика изучения этноса должна учитывать динамику адаптации общества к жизненной ситуации.

Уже из трех примеров, которые я привела, видно, что все культурные константы, так или иначе, относятся к характеристикам действия человека в мире и условиям этого действия. Иными словами, необходимо выявлять, какие качества человек себе приписывает, чтобы сделать собственную активность возможной, осуществимой в мире.

Методология поиска специфики этнических культур должна отталкиваться от конкретных, поставленных жизнью вопросов, исходя из структуры самой жизненной ситуации, и она должна предусматривать именно реакцию общества на те или иные внешние обстоятельства. Иными словами, методика должна учитывать динамику адаптации общества к жизненной ситуации.

Например, процессы модернизации и вестернизации в странах Азии и Африки требовали от общества приспособления к ряду ценностных доминант, которые были для них заданными извне, т.е. внешней ситуацией, на которую эти народы должны были дать ответ.

Или парадигма «прав личности» — что она может означать для того или иного народа в свете его культурных констант? Для одного народа она безразлична, т.е. «проскальзывает» через сетку его сущностных ценностей. Другими она будет переосмыслена.

9. Этнокультурология способна подобрать ключ к объяснению фактов, которые для «нормального» хода истории кажутся нелогичными.

Изучая тот или иной народ, мы формулируем вопросы, которые жизнь задает исследуемому народу, и стараемся понять ответы, которые дает этот народ. Решение же обнаруживается в способе, порядке включения определенной вненациональной ценностной доминанты в этническую картину мира. К какой сфере своей реальности данный этнос отнесет предложенную ему категорию, атрибутом чего она окажется в его картине мира? По каждому из подобных конкретных случаев может быть достигнута межкультурная (межэтническая) сравнимость материала.

Итак, процессы социальные, экономические и т.п. в своем конкретном проявлении получают этническую «окраску» и требуют для своего истолкования применения этнологических теорий. Этнокультурология способна в значительном числе случаев подобрать ключ к объяснению фактов, которые для «нормального» хода истории кажутся странными, нелогичными. Но объяснить с помощью только этнологии действия конкретных исторических лиц невозможно — личностные особенности характера в каждом индивидуальном случае берут верх над этническими особенностями.

Для этнокультуролога очевидно, что взаимосвязи различных культурных элементов и поведенческих моделей человека особенны для каждой этнической культуры. То, что в одной из них принадлежит к одному ряду явлений, в представлении другой принадлежит к совершенно разным сферам. Для того чтобы объяснить каждый конкретный случай, необходимо рассматривать культуру в ее целостности. Об этнической культуре как целостности мы и будем дальше говорить. На данный момент важно понять, что своеобразие взаимосвязей различных элементов культуры этноса может привести к неожиданному для исследователя восприятию этим народом окружающего мира.

Отношения между народами определяются не только сходством или различием их ценностных доминант, но и их видением мира и способом их действия в мире. Сравнение этих способов дает ценную

информацию о культурных константах народа.

Теперь, когда мы определили, что такое этнические различия, посмотрим, каким образом различные ученые пытались их изучать. Об этом мы будем говорить в следующей лекции

Основные термины: Динамический подход, этнокультурология, культурное заимствование, национальное сознание, защитные механизмы, ценностная ориентация, модус действия, культурные константы.

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Абрамян Э.Г. (1978) Инновация и стереотипизация как механизмы развития этнической культуры / Методологические проблемы этнических культур: Материалы симпозиума. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР.
2. Арутюнов С.А. (1989) Народы и культура: Развитие и взаимодействие. М.: Наука.
3. Бенедикт Р. (2007) Хризантема и меч. Модели японской культуры. М.: Наука.
4. Бенедикт Р. (1997) Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры. — М.: Университетская книга.
5. Боас Ф. Ум первобытного человека. М.-Л., 1926.
6. Боас Ф. (1997) Границы сравнительного в антропологии // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга.
7. Боас Ф. (1997) История и наука в антропологии. // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга.
8. Боас Ф. (1997) Методы этнологии. // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга.
9. Боас Ф. (1997) Некоторые проблемы методологии общественных наук. // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга.
10. Боас Ф. (1997) Эволюция или диффузия. // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга.
11. Быховская И.М. (2005) Основы культурологии. М.: ACADEMIA XXI.
12. Дейк Т.А. ван. Язык. (1989) Познание. Коммуникация. М: Прогресс.
13. Леви-Брюль Л. (2015) Первобытное мышление. М.: Академический проект.
14. Леви-Брюль Л. (2015) Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Академический проект.
15. Леви-Брюль Л. (2010) Первобытная мифология. М.: КРАСАНД.
16. Коул М. (1995) Культурные механизмы развития // Вопросы психологии. № 3.
17. Коул М. (1996) Культурно-историческая психология. М. Когито-центр.
18. Культурология. Фундаментальные основания прикладных исследований. (2010) Под ред. И.М. Быховской. М.: Смысл.
19. Культурология. XX век. Энциклопедия. (1998) Под ред. С.Я. Левит.— СПб.: Университетская книга; ООО “Алетейя”.
20. Лурье С.В. (2005) Историческая этнология. Москва: Академический проект.
21. Лурье С.В. (2004) Психологическая антропология. М.: Академический проект.
22. Лурье С.В. (1994) Метаморфозы традиционного сознания. СПб.: Типография им. Котлякова.
23. Лурье С.В. (2017) Культура и ее сценарий: имплицитный обобщенный сценарий как внутрикультурный интегратор // Общественные науки и современность. № 2.
24. Маркарян Э.С. (2014) Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив Университетская книга Москва.
25. Маркарян Э.С. (1989) Проблема целостного исследования культуры в антропологии США. // Этнология в США и Канаде. М.: Наука.
26. Маркарян Э.С. (1981) Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. № 2.
27. Маркарян Э.С. (1978) Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений / Методологические проблемы этнических культур: Материалы симпозиума. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР.
28. Маркарян Э.С. (1978) Об исходных методологических предпосылках исследования этнических

- культур / Методологические проблемы этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР.
29. Маркарян Э.С. (1977) Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР.
 30. Мид М. (1988) Культура и мир детства. М., Наука.
 31. Надирашвили Ш.А. (1978) Психология пропаганды. Тбилиси: “Мецниереба”.
 32. Прикладная культурология. Энциклопедия. (2019) Сост. и науч. редактор И.М. Быховская. М.: ООО «Издательство «Согласие».
 33. Режабек Е.Я., Филатова А.А. (2010) Когнитивная культурология. СПб., Алетейя.
 34. Узнадзе Д.Н. (1961) Экспериментальные основы психологической установки. Тбилиси: Издательство АН Гр. ССР.
 35. Чистов К.В. (1981) Традиция, «традиционное общество» и проблема варьирования // Советская этнография. № 2.
 36. Флиер А.Я. (2009) Культурология для культурологов. М., МГУКИ.
 37. Флиер А.Я. (1995) Культурогенез. М.: Российский институт культурологии.
 38. Эйзенштадт, Ш. (2010) Срывы модернизации. // Неприкосновенный запас. № 6.
 39. Эйзенштадт, Ш. (1999) Революция и преобразование обществ. М., «Аспект-Пресс».
 40. Ш. Эйзенштадт. О неопределенности термина «традиция». (Электронный ресурс). <https://cyberpedia.su/3x6f1f.html>
 41. Barrett S. (1984) The Rebirth of Anthropological Theory. Toronto, Buffalo, L.: Univ. of Toronto Press.
 42. Bock Ph.K. (1980) Continuities in Psychological Anthropology. San Francisco: W. H. Freeman and Company.
 43. Boesch E. (1991) Symbolic Action Theory and Cultural Psychology. Berlin, Heidelberg, NY, L., Paris, Tokyo, Hongkong, Barselona, Budapest: Springel-Verlag.
 44. Benedict R. (1934) Patterns of Culture. Boston and New York: Houghton Mifflin Company.
 45. Cultural Theory. Essays on Mind, Self, and Emotion. (1984) Shweder R., LeVine R. (eds.) Cambridge, L., NY., New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press.
 46. D’Andrade R. (1995) The Development of Cognitive Anthropology. New York: Cambridge University Press.
 47. D’Andrade R. (1992) Cognitive Anthropology. In: New Direction in Psychological Anthropology. Schwartz Th., White G. M., Lutz C. A. (eds.) Cambridge: Cambridge University Press.
 48. D’Andrade R. (1992) Schemas and Motivation. In: D’Andrade R., Strauss C. (eds). Human Motive and Culture Models. Cambridge: Cambridge University Press.
 49. D’Andrade, R. (1984) Cultural Meaning Systems. In: Shweder R. A., LeVine R. A. (eds.) Cultural Theory. Essays on Mind, Self, and Emotion. Cambridge, L., NY., New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press.
 50. D’Andrade R. (1981) The Culture Part of Cognition // Cognitive Science. № 5.
 51. Dubois C. (1944) The People of Alor: a Socio-Psychological Study of an East Indian Island. Minneapolis: University Minnesota Press.
 52. Duijker H.C.J., Frijda N.H. (1960) National Character and National Stereotypes: Confluence. Amsterdam: North-Holl Publishing Company.
 53. Eisenstadt Sh. (2006) The Great Revolutions and the Civilizations of Modernity. Brill.
 54. Eisenstadt Sh. (2004) The Civilizational Dimension of Modernity (англ.) In: S.A. Arjomand, E.A. Tiryakian. (eds.) Rethinking Civilizational Analysis. Sage Publication Ltd.
 55. Eisenstadt Sh. (1992) Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency // International Social Science Journal. Vol. 44. № 133.
 56. Eisenstadt Sh. (1973) Tradition, Change, and Modernity. New York, Sydney, Toronto: John Wiley.
 57. Ewing K. (1992) Is Psychoanalysis relevant for Anthropology. In: Schwartz Th., White G., and Lutz C. (eds.) New Direction in Psychological Anthropology. Cambridge University Press.
 58. Geertz C. (1984) “From the native’s point of view”. On the Nature of anthropological Understanding. In: Shweder R. A., LeVine R. A. (eds.) Cultural Theory. Essays on Mind, Self, and Emotion. Cambridge, L., NY., New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press.
 59. Harkness S. (1992) Human Development in Psychological Anthropology, In: Schwartz Th., White G., and Lutz C. (eds.) New Direction in Psychological Anthropology. Cambridge University Press.

60. Holland D. (1992) The Woman who Climbed up the House: Some Limitations of Schema Theory. In: Schwartz Th., White G., Lutz C. (eds.) New direction in Psychological Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press.
61. Human Motive and Culture Models. (1992) D'Andrade, R., Strauss, C. (eds). Cambridge: Cambridge University Press,.
62. Jahoda G. (1981) Psychology and Anthropology. A Psychological Perspective. L., NY etc: Academic Press.
63. Inkeles A. (1997) National character. Transaction Publishers.
64. Inkeles A., Levinson D. (1969) National Character: The study of Modal Personality and Sociocultural Systems. In: Lindzey C. and Aronson E. (eds.). The Handbook of Social Psychology. Vol. IV. Massachusetts (Calif.), London, Ontario: Addison-Wesley.
65. Kardiner A., Lipton R. (1945) The Individual and His Society. New York: Columbia University Press.
66. LeVine R. A. (1984) Properties of Culture. An Ethnographic View. In: Shweder R. A., LeVine R. A. (eds.) Cultural Theory. Essays on Mind, Self, and Emotion. Cambridge, L., NY., New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press.
67. Lourie S. V. (2017) The Revival of Psychological Anthropology: a New Understanding of Interrelation Between Cultural and Psychological By Virtue of Cognitive Anthropology and Cultural Psychology. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences V. 10, № 7.
68. Lourie S. V. (2016) Culture as a field of human action (The experience of constructing a theory of cultural constants and implicit generalized cultural script) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. V. 9, № 4.
69. Markarian E.S. (1992) Tradition as an Object of System Study // World Futures. V. 34.
70. Markarian E.S. (1998) Capacity for World Strategic Management. Yerevan: Gitutgun.
71. Mead M. (1959) An anthropologist at work: Writings of Ruth Benedict. — Boston: Houghton Mifflin Company.
72. Miller J. (1993) Theory of Developmental Psychology. NY: Freeman.
73. Nelson K. (1981) Cognition in a Script Frammework. In: J.H. Flavell and L. Ross (eds.) Social Cognitive Development. Cambridge: Cambridge University Press.
74. New direction in Psychological Anthropology. (1992) Schwartz Th., White G., Lutz C. (eds.) Cambridge: Cambridge University Press.
75. Norman D. (1975) Explorations in cognition. San Francisco: Freeman.
76. Redfield R. (1956) Peasant Society and Culture: An Anthropological Approach to Civilisation. Chicago.
77. Romney A., Weller S., Batchelder W. (1986) Culture as Consensus: A Theory of Culture and Informant Accuracy // American Anthropologist. № 88.
78. Rouce A.P. (1982) Ethnic Identity: Strategies of Deversity. Bloomington.
79. Schwartz Th. (1992) Anthropology and Psychology. In: Schwartz Th., White G., Lutz C. (eds.) New direction in Psychological Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press.
80. Schwartz Th. (1989) The Structure of National Cultures. In: Funke P. (ed.) Understanding Of USA: A Cross-Cultural Perspective. Tubengen: Gunter NarrVerlal.
81. Schwartz Th. (1978) Where is the culture? In: Spindler G (ed.) The Making of Psychological Anthropology. Berkeley: University of California Press.
82. Shils E. (1961) Centre and Periphery // Polanyi M.(ed.). The Logic of Personal Knowledge: Essays. London: Routledge & Kegan Paul.
83. Shils E. (1981) Tradition. London; Boston.
84. Shore B. (1991) Twice-Born, Once Conceived: Meaning Construction and Cultural Cognition. // American Anthropologist. Vol. 93, No 1, March
85. Shweder R. (1991) Thinking Through Cultures. Cambridge (Mass.), London (England): Harvard University Press.
86. Shweder R. (1990) Cultural psychology – What is it? In: Stigler J., Shweder R., Herdt G. (eds.) Cultural psychology: Essays on comparative human development, New York: Cambridge University Press.
87. Shweder R. (1984) Anthropology's Romantic Rebellion against the Enlightenment, or There's more to Thinking than Reason and Evidence. In: Shweder R., LeVine R. (eds.) Cultural Theory. Essays on Mind, Self, and Emotion. Cambridge, L., NY., New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press.
88. Simon H. (1981) Sciences of the artificial. Cambridge. MA: MIT Press.
89. Skinner Q. (1985) The Return of Grand Theory in the Human Sciences. Cambridge University Press.

Книга: Историческая этнология

Лекция: Динамический подход к исследованию этнических различий

90. Spiro M. (1984) Some reflections on Cultural determinism and relativism with Special Reference to Emotion and Reason. In: Shweder R., LeVine R. (eds.) Cultural Theory. Essays on Mind, Self, and Emotion. Cambridge, L., NY., New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press.
91. The Making of Psychological Anthropology. (1978) Spindler G. (ed.) Berkeley: University of California Press.
92. White G., Lutz C. (1992) Introduction. In: SchwartzTh., WhiteG., Lutz C. (eds.). New direction in Psychological Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press.
93. White G. (1992) Ethnopsychology. In: SchwartzTh., WhiteG., Lutz C. (eds.). New direction in Psychological Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press.
94. Wartofsky, M. (1979) Models Representation And The Scientific Understanding. Dordrecht: Holland / Boston: USA / L.: England: D. Reidel Publishing Company.